

Хорьков М.Л.

«О происхождении протестантской трудовой этики из духа средневековой немецкой мистики»

Тезисы доклада и hand out

Приблизительно в 1516 г. Иоганн Ланг, университетский коллега и собрат Мартина Лютера по ордену августинцев-эремитов, предоставляет в распоряжение будущего реформатора экземпляр издания проповедей Иоганна Таулера, напечатанный в 1508 г. в Аугсбурге в типографии Ганса Отмара. Помимо проповедей Таулера, признаваемых современными исследователями в качестве его оригинальных сочинений, в это издание также входил ряд приписанных Таулеру текстов, в том числе некоторые проповеди Майстера Экхарта. Сохранившиеся в этом томе собственноручные маргиналии Лютера убедительно показывают, что характерные элементы того, что Макс Вебер в своей знаменитой работе «Протестантская этика и дух капитализма» (1904-05 / 1920) охарактеризовал как «протестантскую трудовую этику», вовсе не были придуманы Мартином Лютером, а были в значительной степени заимствованы им из сочинений немецких мистиков XIV века Иоганна Таулера и Майстера Экхарта. В частности, Лютер ссылается на известную экхартовскую проповедь о Марте и Марии, в которой Майстер Экхарт отдает предпочтение трудолюбивой Марте, противопоставляя её созерцательной Марии. Долгое время считалось, что Майстер Экхарт идёт в интерпретации этого евангельского сюжета наперекор всей средневековой традиции, для которой жизнь созерцательная (*vita contemplativa*) была намного ценнее и важнее жизни активной (*vita activa*). Последующие исследования показали, что до Майстера Экхарта в пользу жизни активной на примере сюжета о Марте и Марии высказывался влиятельный парижский теолог второй половины XIII в. Генрих Гентский, у которого Майстер Экхарт, вероятнее всего, и заимствовал эту идею. И хотя публикации последних лет вполне убедительно продемонстрировали, что Генрих Гентский развивал своё собственное масштабное учение о *vita activa* как специального раздела практической теологии, именно благодаря Майстеру Экхарту, немецкие проповеди которого распространились в огромном количестве списков (так, проповедь о Марте и Марии сохранилась в шести рукописях целиком, в пяти – фрагментарно), идея предпочтения жизни активной перед жизнью созерцательной или, по крайней мере, её автономии в деле спасения души стала неотъемлемым элементом средневековой немецкой мистики XIV-XV веков.

Помимо этого, в своих проповедях, а также в эрфуртских «Речах», Майстер Экхарт говорит о том, что вести созерцательную жизнь и постоянно молиться, находясь в монастыре, для спасения души не лучше, чем заниматься ежедневным ремесленным трудом, особенно если первое делается одним лишь внешним образом, без внутренней отрешенности от всего мирского. Этот мотив развивается в проповедях Иоганна Таулера. По его убеждению, Бог всегда пребывает с внутренне отрешенным человеком, чем бы тот не занимался. Работа в ремесленной мастерской и самый низкий и грязный труд, например, вывоз нечистот, приближают к Богу не менее, чем монашеские молитва и созерцание. Именно Таулер отчеканивает в своих проповедях, в частности, в проповеди о трёх божественных призваниях, ёмкую немецкую формулу «*Beruf als Ruf*» («профессия как призвание»). Все эти мотивы подхватывает Мартин Лютер, упоминающий в своих маргиналиях к немецким проповедям Таулера об активной жизни как особом пути в деле спасения души.

Однако не вступает ли тезис об активной жизни как особом пути спасения души в конфликт с таким краеугольным тезисом лютеровской теологии, как принцип спасения только верою (*sola fide*), связанным с утверждением о неважности и бесполезности для спасения души любых человеческих дел? Конечно, можно было бы вслед за Таулером

говорить о том, что спасают не сами дела, но вера и внутренняя отрешённость, с которыми они делаются, а это напоминает те самые «только верую» и акцент на «внутреннем человеке», о которых также говорит и Лютер. Однако зачем при этом вообще нужны внешние дела? Может быть, для того, кто верит, было бы целесообразнее отказаться от них совсем и сопровождать свою веру полным отречением от мира ради молитвы и созерцания? Тем более, что в возможности такого пути в 1516 г., судя по маргиналиям к Таулера, не сомневается и сам Лютер.

Однако, как эрфуртский теолог школы августинцев-эремитов, необходимость и целесообразность пути отрешенного созерцания Лютер, судя по всему, исключал. В теоретическом плане он, по-видимому, мог опираться в данном случае на своих эрфуртских собратьев предшествующего поколения, ведущим из которых был профессор теологии Эрфуртского университета Иоганн Пальц. В одной из рукописей конца XV в. из бывшего картузианского монастыря в Эрфурте сохранилось любопытное описание споров между Иоганном Пальцем и эрфуртскими картузианцами о правильной интерпретации псевдоавгустиновского сочинения «De cognitione verae vitae». В центре внимания участников споров находился вопрос о воскресении в теле и связанной с этим необходимости заботиться о теле уже в этой жизни. Забота о теле и телесных благах в земной жизни необходима не ради спасения (потому что спасает только вера) и не ради перспектив воскресения тела в наилучшем виде, но ради предчувствия вечной жизни уже в здешней временной жизни. Согласно Иоганну Пальцу, богатство и телесное благосостояние в земной жизни – это для избранных к спасению подготовка к вечной райской жизни и её предчувствие, а для тех, кто не избран к спасению – это единственное благо, которого они могут удостоиться от благого Бога, их единственный рай.

Принципиальное расхождение между августинцем Иоганном Пальцем и критиковавшими его картузианцами заключалось в том, что, согласно позиции картузианцев, рай можно предчувствовать, тогда как с точки зрения августинцев-эремитов это совершенно невозможно, т.к. райское состояние абсолютно трансцендентно для земного человека и его удостаиваются не по природе, а исключительно по благодати. Направленный против Иоганна Пальца аргумент картузианцев в пользу возможности предчувствовать рай на земле сводился к тому, что тело не может не чувствовать, так как это неотъемлемое сущностное качество природы телесности как таковой. А раз так, то забота о телесном помогает предчувствовать райское состояние. Позиция же августинцев-эремитов заключалась в том, что тело может быть не только живым, но и мёртвым. А может ли чувствовать мёртвое тело? Скорее всего, нет. Следовательно, чувство – это для тела качество не субстанциальное, а акцидентальное. Субстанциальным же оно является только для души. Иначе говоря, как это ни парадоксально звучит, само по себе тело чувствует без чувства, действует без чувства, именно поэтому мы не можем предчувствовать будущую жизнь, тем более жизнь загробную. Иначе говоря, погруженная в телесный мир *vita activa* – это не предчувствие рая, а до некоторой степени сам рай, которого человек в земной жизни не может ни чувствовать, ни знать, хотя и может (с точки зрения Пальца и Лютера, обязан) в него верить. Именно с таких позиций и происходила рецепция Лютером изложенной в проповедях Таулера и Экхарта трудовой этики.

Hand out к докладу

«О происхождении протестантской трудовой этики из духа средневековой немецкой мистики»

Майстер Экхарт, «Проповедь о Марте и Марии» (Quint 86):

«...Он хотел сказать, что всё, что имелось из временного и из вечного блага и чем бы могло обладать творение, Марта имела в полной мере... у нее не было недостатка ни в чём, что было нужно для вечного блаженства. Поэтому сказал Он: ‘ты заботишься и суетишься о многом’, а мыслил при этом: ты стоишь у вещей, но не вещи стоят в тебе; у тех много попечения, кто затруднен во всяком своем ремесле. Затруднений не знают те, кто все свои дела справляют по образу вечного света; и такие люди стоят при вещах, а не в вещах. Они стоят к ним совсем близко и обретают все же не меньше, нежели когда бы стояли там наверху, у границ вечности. ‘Совсем близко’, говорю я, потому что все творения ‘посредствуют’. Есть два вида ‘средств’. Единое из них то, без которого я не могу войти в Бога: это есть мирское деяние и ремесло, и оно не умаляет вечного блаженства. Деяние (werk) – это когда внешне упражняются в делах добродетели; а ремесло (gewerbe) – это когда с духовным целомудрием упражняются внутренне. Иное же средство: отрешиться от первого. Для того помещены мы во время, чтобы через мирское разумное ремесло стать ближе и подобнее Богу... Дорожить временем значит непрестанно разумно входить в Бога, и не в разноликости образных представлений, а в разумной житейной истине... То же было и с милой Мартой. Поэтому Он сказал ей: ‘Одно только нужно’, а не два. Я и ты, единожды охваченные вечным светом, суть единое, а двуединое есть пламенеющий дух, что помещается над всеми вещами и под Богом у границ вечности. ...милая Марта и с ней все друзья Боговы стоят при заботе, а не в заботе, и здесь мирское деяние столь же благородно, сколь и любая служба Богу, потому что приводит нас к Нему столь же близко, сколь и то высшее, что может стать нашим уделом, исключая разве что лицемерие Бога в его чистом естестве». Поэтому и говорит Он: ‘ты заботишься и суетишься о многом’ и понимает этим, что низшие чувства печалили и удручали ее, ибо она не была разнежена прельщением духовным. Она была при вещах, не в вещах; она была вне вещей, и они были вне её. ... Марта пребывала в совершенной, неколебимой добродетели и непомятом уме, свободною от всех вещей. Поэтому она желала, дабы её сестра также пришла в подобное состояние» (Мастер Экхарт. Избранные проповеди и трактаты. СПб., 2001. С. 113-115, 119-121 / перевод Н.О. Гучинской, с небольшими изменениями).

Иоганн Таулер, «Проповедь о трех призваниях» (Vetter 53, 240-246):

«...ныне достолюбезное установление это (духовные сообщества и ордена) к своему ущербу сильно изменилось и испортилось, так что многие скрывают под духовным облачением мирское сердце, тогда как многие живущие в миру, напротив, имеют сердца духовные... Знаете, вот есть женщина в миру, у которой есть муж и дети, и муж её изготавливает обувь. Трудясь, они ищут Бога и при этом еще пытаются прокормить себя и детей своих. А в одной деревне есть бедный человек, который вывозит нечистоты и получает за свою тяжёлую и грязную работу немного хлеба. И очень может статься, что все эти люди во сто раз лучше вас, потому что просто следуют призыву Бога, и это печально! Люди эти живут в страхе Божиим бедно и смиренно, просто следуя призыву [Божию]. Бедный, слепой, духовный человек! Всмотрись в себя и восприми изнутри себя призвание своё со всем усердием. Узри, куда хочет вести тебя Отец Небесный, и следуй за Ним, не отклоняясь от пути своего. ... Благословенны последовавшие своему призванию: сначала в соблюдении заповедей, затем в следовании священным советам, наконец, в подражании досточестному прообразу – Господу нашему! Достоинно идут они по пути своего призвания, со всяческим смирением и терпением, как говорит о том святой [апостол] Павел» (перевод М.Л. Хорькова).

Иоганн Таулер, «Проповедь о трех рождениях Бога» (Vetter 1, 7-12):

«Ибо когда говорит Бог, тебе надлежит молчать. И когда Бог входит внутрь, все вещи должны уступить место Ему. Когда Господь наш Иисус пришел в Египет, повержены были все идолы, бывшие в земле той. То же должно быть и с твоими идолами, со всем тем, что мешает воистину непосредственному проникновению внутрь тебя этого вечного рождения, сколь бы хорошим и святым это ни казалось» (Точки / Puncta. Том 5, № 3-4. 2005. С. 108 / перевод М.Л. Хорькова).

Маргиналия Лютера к 1-й проповеди Таулера (о трех рождениях Бога) с упоминанием сюжета о Марте и Марии (WA 9, 98):

Таулер: «Ибо когда говорит Бог, тебе надлежит молчать», Лютер: «Истинно, что так Бог рождается в нас в соответствии с восхождением (*anagogia*), реализуемым в жизни созерцательной и духовной (*vitae contemplativae et spirituali*). Но с моральной точки зрения (*moraliter*), Бог рождается в нас не в тишине, но в делах добродетели в соответствии с жизнью деятельной (*secundum statum vitae activae*). Одно – для Марты, другое – для Марии: одно – легко, другое – в трудах, одно – часто, другое – редко. Одно легко понимают все, другое не понимает никто, кроме тех, кто испытал то же самое (*expertis*)...».

Таулер: «...сколь бы хорошим и святым это ни казалось», Лютер: «Ведь как сказано выше, в созерцании (*in contemplatione*) дела добродетели (*operatio virtutum*) могут препятствовать рождению Бога в душе; поэтому для созерцания требуются полный покой, мир и молчание. А в активной жизни (*in activa vita*) достаточно лишь того, чтобы были покой и мир, отвращающие от дурных деяний».